

ADA WAWER

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1033-7892>

Uniwersytet Warszawski

КОЖА ЕВГЕНИИ НЕКРАСОВОЙ КАК ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ И ТЕНДЕНЦИОЗНЫЙ РОМАН

КОЖА BY YEVGENIYA NEKRASOVA AS A POSTCOLONIAL TENDENTIOUS NOVEL

This article examines the novel *Кожа* by Yevgeniya Nekrasova as a work that is, on the one hand, contemporary in content and, on the other hand, outdated in terms of its point of view. In the beginning, the author draws attention to the influence of contemporary cultural theories. The analysis uses concepts such as postcolonialism, intersectional feminism, Marxist cultural theories, decoloniality, and internal colonization. The focus of the research then shifts to the issues of form. Problems such as the tendentious and didactic nature of literature are discussed. The author confronts the text with such types of tendentious literature as positivism and social realism.

Keywords: postcolonialism, feminism, internal colonization, decoloniality, tendentious literature

Кожа является последним романом Евгении Некрасовой, автора нашумевшего романа *Калечина-малечина*. Главные героини произведения, — это чернокожая рабыня и крепостная крестьянка. Книга, вышедшая из печати в 2022 году, затрагивает очень современные темы, широко обсуждаемые в западной культуре, а именно, колониализм и, соответственно, постколониализм, деколониальность, «историю снизу», феминизм, расизм и понятие класса. Персонажи романа — это угнетенные, несвободные женщины, постоянно подвергающиеся насилию. При этом они не пассивные жертвы, а сильные личности, борющиеся за свободу.

Хотя тематика романа очень актуальна и многообещающа, по-другому дела обстоят с формой произведения, использованным языком, позицией рассказчика и построением повествования. Вкратце, конструкция сюжета устаревшая, напоминает

тенденциозные романы начала XX века, что способствует тому, что в целом текст является неубедительным, похожим на прямолинейное представление постулатов интерсекционального феминизма, а примененный здесь язык ненатурален и описывает мир, который, хотя и основан на реальной исторической действительности, является искусственным, представляет собой грубую адаптацию идеологических тезисов.

КОЖА И ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ

С самого начала в основе творчества Евгении Некрасовой лежали социальные проблемы. Ее творчество даже определялось как «социальный магический пессимизм»¹. Эти вопросы стали самыми яркими и непосредственно выраженными в ее последнем произведении *Кожа*, появившимся на сайте Bookmate осенью 2021 года. В тексте рассказывается история двух женщин, живущих в середине XIX века в обществах, казалось бы, совершенно непохожих друг на друга, но, как показывает сюжет, оба они опираются на колониализме, экономической эксплуатации и конструировании социального неравенства политическими и культурными средствами. Обе героини живут в системах, в которых они подвергаются дискриминации по признаку пола и условия, а в случае Хоуп, еще и по признаку расы. На страницах книги показана их борьба за свободу и определение собственной идентичности, их сопротивление насилию, патриархату и несправедливой экономической системе.

Имея дело с историей, в которой политический аспект является основной сюжета, во-первых, главным методологическим подходом кажется теория постколониального феминизма, с которой Некрасова, несомненно, знакома. Писательница отметила в интервью свое увлечение современной литературой чернокожих женщин, в частности американских, а также интерсекциональным феминизмом². Постколониальный феминизм появился в конце 1970-х годов как критика западного феминизма, особенно феминизма второй волны, который игнорировал уни-

¹ *Евгения Некрасова: о книгах, феминизме и работе писателя*, https://www.youtube.com/watch?v=ghI_2RGSoNU (11.12.2021).

² «Литература задолжала реальности»: *Евгения Некрасова о крепостном праве, рабстве и природе власт*, Книжная ссылка (подкаст) (27.05.2022).

кальный опыт женщин из колониальных стран, опираясь почти исключительно на анализе ситуации белых женщин среднего класса в американском обществе, неработающих жен и домохозяйек, живущих в патриархальной культуре. При этом, например, экономическое подчинение не являлось фактором для черных женщин, которые с времен начала рабства работали так же, как и мужчины. Постколониальная теория, как и феминизм этого направления, изучает не только жизнь женщин из бывших заморских колоний, но также положение других маргинализованных и подчиненных групп общества, например, чернокожих жителей Северной Америки, экономически эксплуатируемых, или женщин. Если рассматривать историю США, колониальные истоки этой страны, то с одной стороны, это захватывание территорий коренных народов, а с другой — борьба за независимость от влияния других держав, а также их политика, которая до сих пор опирается на империализм, то она в некоторых аспектах напоминает историю России. Поэтому обсуждение постколониализма и феминизма в этих обеих странах является уместным не только в связи с сюжетом книги Некрасовой, но также благодаря сходствам в политической жизни обеих стран.

В современных американских гуманитарных науках главными активистками и писательницами постколониального направления являются Белл Хукс, Анджела Девис и Гаятри Спивак. Первые две исследовательницы рассматривают положение чернокожих женщин в обществе второй половины XX века, обращая внимание на историю рабства, а также идеологию, на которую оно опиралось, культурных клише и системную дискриминацию, которая из нее вытекает, а также исторические и современные формы бунта и сопротивления, доступные женщинам и используемые ими. Гаятри Спивак, родившаяся в Индии, но живущая в США, отличается от Девис и Хукс не только местом рождения, но также предметом и формой исследования. Большинство ее работ сосредоточено на проблемах Южной Азии и на роли маргинализованных женщин из бывших колоний в дискурсивных практиках и институтах западных культур. В своих анализах автор обращается к постмодернистскому методу деконструкции. Главным, с точки зрения постколониального феминизма, является обсуждение понятия «субалтерна», происходящего от Антонио Грамши, но которое в текстах Спивак рассматривается исключительно с женской, не с западной пер-

спективы. Термин «субалтерн» описывает социальные группы, вытесненные на обочину общества, не обладающие исполнительной силой. Спивак подчеркивает, что это не просто другое слово, определяющее всех угнетенных. Оно должно определять только тех, кто «has limited or no access to the cultural imperialism»³. Соответственно такой дефиниции, чернокожую рабыню и крепостную крестьянку XIX века можно назвать субалтернами, так как они существовали вне гегемонного дискурса.

КОЖА И ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ

Кожа задумывалась как постколониальный и образовательный⁴ текст о субалтернах, вдохновленный романом Тони Моррисон *Возлюбленная* и частью истории России, которая сегодня редко обсуждается в текстах культуры. Книга появилась в Российской Федерации, значит в обществе, характеризующимся большим социальным неравенством и авторитарной властью. Время его публикации также неслучайно. Она была издана после таких событий, как вспышка массовых протестов Black Lives Matter вследствие убийства полицией Джорджа Флойда или постепенно нарастающего проникновения в поп-культуру разочарования белым западным феминизмом. Роман также написан после опыта пандемии, который ясно показал, как пишет Françoise Verges, что «the right to breathe is not a universal one»⁵, и что это именно бедные группы общества несут бремя потерянных рабочих мест и растущей нищеты. Некрасова идет дальше и видит свой проект не только постколониальным, а, как сама сказала, деколониальным⁶. «Библей деколониализма»⁷ определил Стюарт Холл главное произведение Франца Фанона *Проклятые этой земли*. Согласно замыслу Некрасовой, *Кожа* — это проект, который должен не только анализировать колониальное наследие, но

³ L. de Kock, *Interview With Gayatri Chakravorty Spivak: New Nation Writers Conference in South Africa*, «A Review of International English Literature» 1992, № 3 (23), с. 29–47.

⁴ Евгения Некрасова: *войти в поп-культуру, мыслить деколониально, любить Пушкина*, <https://www.youtube.com/watch?v=za7FqMVVM5k> (10.12.2021).

⁵ F. Verges, *A Decolonial Feminism*, Pluto Press, London 2021, с. vi.

⁶ *Евгения Некрасова: войти в поп-культуру...*

⁷ Interview with Stuart Hall in *Black Skin, White Masks*. I. Julien, UK: Arts Council of England, 1996.

и прикладывать усилия, чтобы бороться против него, рассказывая истории, которых нет в школьных учебниках, которые чаще всего основаны на «националистическом пыле» и «извращены вследствие умолчания», — причем они толкуют о людях небелой расы или тех, которые не являются горсткой управляющих, как пишет Говард Зинн⁸. Более того, как и у Фанона, история Домны и Хоуп показывает роль гнева и насилия как неотъемлемого элемента борьбы за свободу. Это также отражено в современных движениях, таких как Black Lives Matter, которые, ссылаясь на наследие Black Panthers, понимают злость подобно Францу Фанону, как творческую силу. Смотря сквозь призму феминистской теории, это напоминает третью волну феминизма и Riot Grrrl, где ярость отражена даже в названии группы.

Современные исследователи возвращаются к термину «деколониализм» вместо постколониализма и к творческой ярости, понимая, что колониальные неравенства не исчезли вместе с концом политической доминаций. Вергес определяет деколониальный феминизм как «feminism that offers a multidimensional analysis of oppression and refuses to divide race, sexuality, and class into mutually exclusive categories», а также «a desire to smash sexism, racism and imperialism»⁹. Мадина Тлостанова обсуждает этот термин более подробно в оппозиции до постколониализма, считая его другим ответом на имперскую экспансию. Главная разница заключается в том, что «postcoloniality presupposes postmodernity, while decolonial thinking and decolonial option are always already delinked from modernity and post-modernity»¹⁰. Деколониализм, согласно Тлостановой, не опирается на западных теориях постструктурализма, он вырастает из «третьего мира», а не в европейском или евро-американском дискурсе. Деколониальность работает над конкретными вопросами, вытекающими из определенного исторического наследия. В этом смысле Некрасова понимает деколониализм более широко, что похоже на идею Вергес. Хотя она ссылается на опыт женщин, которые находятся вне западного дискурса, она основывается на марксизме и в какой-то степени на постструктурализме (что буду обсуждать позже), значит, вписывает эти истории в матрицу западной мысли.

⁸ Г. Зинн, *Народная история США*, Весь Мир, Москва 2006.

⁹ F. Verges, *A Decolonial Feminism...*, с. 20.

¹⁰ M. Tlostanova, W. Mignolo, *Learning to Unlearn: Decolonial Reflection from Eurasia and the Americas*, Ohio State UP, Athens, Ohio 2012, с. 33.

Некрасова видит возможность деколониальной борьбы в использовании литературы довольно доступной широкой аудитории, так как она публикуется в интернете и, в отличие от ее ранних произведений, в нем почти отсутствуют языковые эксперименты. Писательница понимает политическую силу художественной литературы, как и Белл Хукс, которая отметила, что критическая беллетристика позволяет составлять «a genealogy of subjugated knowledges» и «cultural location for the construction of alternative readings of history»¹¹. Автор *Кожу* своей задачей поставила описать и привлечь внимание к истории снизу. Как и южноазиатская группа «Subaltern Studies Group», в этом романе автор демонстрирует намеренное отсутствие внимания официальных историографий применительно к угнетенным группам колонизированных регионов¹² и сосредотачивается не на элитах, а на подчиненных крестьянах, как агентах политических и социальных изменений. Как утверждает писательница, ее героини были созданы после прочтения множества исторических свидетельств о жизни поработанных женщин начала XVIII века¹³. Чернокожая Хоуп, работающая на сахарной плантации, выступает против существующего порядка, постигая грамоту, сочиняя стихи, убегая от хозяина, обучая чернокожих¹⁴ и мстя бывшим угнетателям. Крепостная Домна, также какое-то время сельская, а временно и домашняя работница¹⁵, убивает своего помещика и в конце концов выбирает жизнь путешественницы и народной художницы. Героини Некрасовой напоминают трисктеров, которые не подчиняются общим правилам поведения. Трикстеры часто являются символом сопротивления коренного населения против колонизатора, как, например, в критических текстах Джеральда Визенора, американского писателя из народа Анишинаабе. Женщины ма-

¹¹ b. hooks, *Narratives of Struggle*, P. Mariani (ред.), *Critical Fictions: The Politics of Imaginative Writings*, The New Press, Seattle 1991, с. 59.

¹² E. Domańska, *Historiografia insurekcyjna*, «Literatura na Świecie» 2008, № 1–2, с. 355–368.

¹³ «Литература задолжала реальности»...

¹⁴ Анджела Дэвис подчеркивает важность грамотности и образовании угнетенных групп в их антиколонииальной борьбе за освобождение в своей книге *Women, Race, Class*, с. 24, 96–100.

¹⁵ Дэвис описывает механизмы доминирования, которые устанавливают и эксплуатируют женщин дискриминируемого происхождения в *Women, Race, Class*, с. 89–94.

гическим способом меняются кожей, что позволяет им играть с окружением, меняя суть ситуации, но не действия по злому умыслу.

КОЖА И КЛАСС

Анджела Дэвис, икона движения за права чернокожих в Америке, активистка «Чёрных Пантер», утверждает в книге *Женщины, раса, класс*, что у белых и чернокожих работниц гораздо больше общего, чем у женщин с одинаковым цветом кожи, но с разным социальным статусом¹⁶. Она показывает, насколько трагичной была ситуация чернокожих рабынь, даже в сравнении с самыми бедными членами белого общества, но отмечает, используя аргументацию, напоминающую позже разработанную Кимберли Креншоу теорию интерсекциональности¹⁷, что в борьбе за социальную справедливость чернокожие часто действовали вместе с женщинами, происходящими из рабочего класса, в противовес более обеспеченным феминисткам уже с начала первых суфражистских движений, время от времени попадая с ними в конфликт¹⁸. Креншоу в своей статье разбирает судебные процессы, которые показывают, насколько сложной для понимания являлась двойная дискриминация. Черные женщины в борьбе за свои права были заставлены определить себя как маргинализованные исключительно по признаку пола или по признаку расы. Судебная система и другие общественные институты не осознавали их опыта, который отличался и от белых женщин, и от черных мужчин. Бонни Торнтон Дилл и Рут Энид Замбрана уделяют много внимания также экономическому статусу, как одному из факторов, обозначающих привилегии, в анализе доступа к разным профессиям, образованию и политической жизни разных групп в США. Исследовательницы видят в интерсекциональном подходе «an analytical framework for combining the different kinds of work that need to be included in the pursuit of

¹⁶ A.Y. Davis, *Women, Race, Class*, Random House, New York 1983, с. 53–63.

¹⁷ K. Crenshaw, *Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics*, «University of Chicago Legal Forum» 1989, № 1, с. 136–167.

¹⁸ A.Y. Davis, *Women, Race, Class...*, с. 132.

social justice»¹⁹, так как он подтверждает жизнь и истории ранее игнорируемых групп людей.

Некрасова старается не упрощать тенденциозно историй Хоуп и Домны. Она пытается избежать наивных выводов об очевидном сходстве двух имперских государств, стремясь показать тонкости и различия в тяжелой судьбе системно эксплуатируемых женщин, которые вследствие разных видов колонизаций не являются свободными. Хотя, по мнению множества историков, нельзя рассматривать крепостное право в России как рабство. Ирина Прохорова говорит, что «крепостное право в России деградировало почти до реального рабства»²⁰. Главным сходством можно считать работу почти без какой-либо зарплаты, нищету, отсутствие возможности принимать решения, касающиеся своей судьбы, опыт сексуального и физического насилия как средства контроля и доминации. Различия включают в себя, например, возможности для семейной жизни в Российской Империи или степень жестокости насильственного обращения с рабами в США. При этом писательница показывает, как женщины высшего класса, несмотря на свой подчиненный статус по отношению к мужчинам, функционировали как часть угнетающей системы, активно участвуя в экономической эксплуатации, а также применяя физическое и психологическое насилие.

КОЖА И ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

В какой-то степени похожая логика присутствует в главной книге Александра Эткинды, которая во многих разделах молчаливо основывается на предположениях Франца Фанона, для которого суть колонизации лежит в социально-экономическом строе, хотя он анализирует и подчеркивает роль психоаффективных факторов в политическом процессе, утверждает, что нельзя избавиться от нее, не принимая и экономических мер²¹. Главная тема этой книги — внутренняя колонизация. Обычно колонизация ассоциируется с морскими путешествиями, пересечением огром-

¹⁹ B.T. Dill, R.E. Zambrana, *Emerging Intersections: Race, Class, and Gender in Theory, Policy, and Practice*, Rutgers University Press, New Brunswick 2009.

²⁰ И. Прорхорова, *Травма крепостничества — в ее невысказанности*, «Сноб» <https://snob.ru/selected/entry/109726/> (16.06.2016).

²¹ F. Fanon, *The Wretched of the Earth*, Grove Press, New York 2004.

ных пространств океанов. Но история России показывает и совсем другой вид колонизации, а именно сухопутную. Василий Ключевский определил историю России как историю «страны, которая колонизируется»²². В тексте Эткинды внутренняя колонизация означает, среди прочего, также колонизацию подавляющей части русского населения, которое было лишено всяких прав и являлось собственностью российских помещиков. В начале XVIII века весь процесс базировался на крепостном праве. Внутренняя колонизация в случае Российской империи опиралась на разделении людей не прямо по признаку расы, как это имело место в странах с заморскими колониями или имперским опытом, но по признаку сословия. Однако сословное происхождение, функционирующее в мире права и культуры по таким же принципам, как расовое различие в США, функционировало как врожденное расовое определение²³. Как показывает Александр Эткинд, это закреплялось, например, мифом о происхождении русской аристократии от Рюрика, от варягов, а не от славянских племен. Оно характеризовалось также внешними различиями, так как крестьяне носили бороды, и именно поэтому Петр I выдал приказ, чтобы бояре сбрили бороды. Таким образом разные сословия физически отличались друг от друга²⁴.

Интересно отметить, что американская криминолог доказывает, как социально конструированное различие формировалось научным дискурсом. Она приводит пример проект «Eugenic Family Studies», который пытался доказать, что бедные белые в сельской местности генетически неполноценны²⁵. Это сразу выбивается в тексте Некрасовой, когда Хоуп, после приезда в Российскую империю, замечает, что системы эксплуатации в США и в ее новой стране схожи, но здесь «неработающие» поработают и управляют «работающими», у которых тот же цвет кожи, но которые пользуются совсем другими правами (точнее не пользуются никакими правами) и воспринимаются как объ-

²² В.О Ключевский, *Курс русской истории. Лекция II*, <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch02.htm> (13.08.2023).

²³ А. Эткинд, *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, Новое литературное обозрение, Москва 2013, с. 143–159.

²⁴ Там же, с. 152.

²⁵ N. Hahn Rafter, *White trash: The eugenic family studies, 1877–1919*, Northeastern UP, Boston 1988.

екты. Употребление на протяжении всей книги терминов, описывающих основные роли в экономической системе, отсылает к марксистским теориям культуры, которые часто используются постколониальными критиками, и оказывает бóльшее сходство с текстами Фанона, чем, например, Эдварда Саида, так как Эткин сам сказал, что «во вселенной Саида не было места Второму миру»²⁶, значит также России.

Эткин обсуждает, среди прочего, сходство американской и российской колониальных систем. Обе сформировались на ресурсной зависимости²⁷ и опирались на использование несвободной рабочей силы внутри своих границ, а не в заморских территориях. Так складывается, что отмену рабства в США и отмену крепостного права в Российской империи разделяет только четыре года, и именно это является основой замысла романа *Кожа*.

КОЖА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Однако при всех благородных идеях, толкнувших Некрасову на сочинение *Кожу*, книжный сериал не соответствует ожиданиям. Текст, с одной стороны, затрагивает очень современные, можно даже рискнуть определением, «модные» вопросы, с другой, — принимает традиционный, более модернистский, чем постмодернистский, подход к этой теме. Ее замысел напоминает произведения таких классиков, как, например, Максима Горького, поскольку при построении романа она предлагает парадигму, в которой автор пишет о важных проблемах, и ему кажется, что он меняет мир и дарует людям истину. Не говоря уже о том, что идея модернизма, является задуманной с точки зрения европейской истории и взаимодействия христианства и капитализма, а также социализма, и, что за этим следует, колониальности²⁸.

Описывая *Кожу*, нет возможности избежать таких определений, как тенденциозная, воспитательная или дидактическая. Роман приводит определенную систему социально-этических убеждений автора. Текст настолько тенденциозен, что слишком преувеличивает, чуть ли не до насмешки определенные черты

²⁶ А. Эткин, *Внутренняя колонизация...*, с. 62.

²⁷ Там же, с. 109.

²⁸ М. Tlostanova, W. Mignolo, *Learning to Unlearn...*, с. 33.

персонажей или системы и события, представленные в нем. Так как текст напрямую ссылается на марксистскую теорию, в контексте России сложно избежать теории социализма и культуры в социалистической системе, а следовательно ленинского принципа партийности литературы. Открытая моральная оценка описанных систем: капитализма, колониализма, и персонажей может вызывать ассоциации с высказываниями с Первого Всесоюзного съезда советских писателей, где, например, Андрей А. Жданов сказал, что «советская литература тенденциозна, и мы гордимся ее тенденциозностью, потому что наша тенденция заключается в том, чтобы освободить трудящихся, — все человечество от ига капиталистического рабства»²⁹.

Кроме того, *Кожа* напоминает выступления Максима Горького, когда тот обсуждал критический реализм и его последователя, социалистический реализм. Горький выдвинул предложение, что литература должна показывать человека в трудовом процессе. Вместе с тем он определил в истории письменности, путем марксистской диалектики, важную оппозицию: противостояние рабов и рабовладельцев. Критикуя буржуазную культуру, Горький высказывается против того, что она предпочитает благополучие меньшинства, чем интересы большинства, и что она воспитывает в духе подчинения капитализму, вдобавок в ней отсутствует социальная политика. Помимо этого, он подчеркивал важность представления ужасов прошлого, освящения царствующего тогда неравенств и эксплуатации³⁰. Все эти мотивы можно отнести к *Коже*. Писатель сформулировал также самую известную дефиницию соцреализма в литературе: «Социалистический реализм [...] требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии»³¹. Оттуда вытекает и понятие романтического реализма, что можно заметить в книге Некрасовой, которая, с одной стороны, реалистически описывает

²⁹ А. Луначарской (ред.), *Тенденциозная литература // Литературная энциклопедия: в 11 томах*, Издательство Коммунистической академии, Москва 1939, с. 231–234.

³⁰ *Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет*, Художественная литература, Москва 1934.

³¹ М. Горький, *О социалистическом реализме // того же, Собрание сочинений в тридцати томах*, ГИХЛ, Москва 1953, т. 27, с. 13. Эту фразу Горький почерпнул из официальной декларации, содержащейся в *Уставе Союза советский писателей*.

исторический момент, социальную жизнь середины XIX века, а с другой — приводит фантастические мотивы и идеалистически представляет жажду переделать мир, упорную, смелую борьбу личности против системы и за свободу.

Понятно, что *Кожу* нельзя определить как социалистический реализм, но можно ее сравнивать с типами воспитательной литературы в традиций русской письменности. Писательница использует устаревшую форму для представления современных, популярных тем. Роман совпадает с соцреализмом требованиями избавиться от собственнических навыков использовать литературу как орудие для формирования сознания и перевоспитания человека. Что самое важное, социалистический реализм вместо эстетической функции произведения искусства поставил воспитательную функцию³². Согласно этому, оценивая ценность литературного произведения, надо учитывать только то, является ли оно воспитательно полезным или нет. Эстетическая сторона произведения имеет значение только как влияющая на политическое воспитание читателя. *Кожа* выполняет это главное требование социалистического реализма. Вопросы эстетики являются второстепенными. Важнейшим является содержание, не форма. Больше всего роман соответствует также требованию однозначного определения идеологической позиции автора. Однако с точки зрения предположений соцреализма книга Некрасовой является только критикой определенных экономических систем и действий, предпринятых маргинализированной личностью за свое освобождение. Не присутствует в романе важнейший элемент социалистического реализма, а именно партийность литературы, воспитание широких масс трудящихся в духе социализма³³.

КОЖА И ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ

Кожа, несомненно, тенденциозный роман. Хотя в нем присутствуют магические события и персонажи, что нерепрезента-

³² P. Fast, *Realizm socjalistyczny w literaturze rosyjskiej*, Universitas, Kraków, 2003, s. 25.

³³ *Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет...*, с. 716 — цитата за P. Fast, *Realizm socjalistyczny w literaturze rosyjskiej...*, s. 24.

тивно для такого типа романов, он реалистичен, так как автор ссылается на реальную историческую действительность. Автор знает все подробности описанной общественной обстановки. В такой ситуации писательница является социологом, о чем свидетельствует знакомство с историей рабства и крепостного права. Книгу характеризует дидактическая или даже агитационная иллюстративность по отношению к определенной идейной программе: в случае *Кожси*, это критика капитализма и распространение идеи интерсекционального феминизма. Эти черты соответствуют определению дидактической литературы, данному Генриком Маркиевичем³⁴. История в таком типе романов всегда направлена на то, чтобы вызвать ощущение, что предлагаемые решения проблемы являются единственно правильными³⁵. Как и в других тенденциозных произведениях, например, позитивистских или соцреалистических, повествование указывает на исключительную правильность представленной позиции автора.

Мир *Кожси* статичен, если смотреть с точки зрения системы ценностей³⁶. Система ценностей понятна с самого начала, где автор описывает рабочую структуру на юге США, а также крепостничество, указывая их несправедливость и бесчеловечность. Нет сомнений, что данные общественные системы характеризуются крайним неравенством. Таким образом, роман Некрасовой построен на четких оппозициях добра и зла, а повествование упрощено, поскольку все персонажи однозначно зафиксированы как позитивные или негативные, они одномерные. Рассказчик использует прилагательные вместо имен, что, несомненно, категоризирует героев на плохих или хороших. В конце все негативные персонажи осуждены. Большинство из них получает наказание, например, их убивают главные героини³⁷. Но, в книге оценивается не только литературный мир. Это происходит потому, что произведение в представлении мира основано на реальных исторических обстоятельствах, и поэтому оценка натурально применяется и к внелитературной действительности. Все элементы однозначно обоснованы и направлены на одну

³⁴ H. Markiewicz, *Dialektyka pozytywizmu polskiego*, Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, Warszawa 1967, с. 160.

³⁵ M. Głowiński, A. Okopień-Sławińska, J. Sławiński, *Zarys historii literatury*, WSiP, Warszawa 1967, с. 82.

³⁶ P. Fast, *Realizm socjalistyczny w literaturze rosyjskiej...*, с. 63.

³⁷ Это характерно для тенденциозных романов — см. там же.

цель — отображение и негативную оценку общественного неравенства.

Что типично для тенденциозности в литературе³⁸, уже в предисловии, которое в *Коже* озаглавлено *Пилотные слова*, автор определяет характер произведения. Оно начинается со слов «Моя кожа — русская [...] белая», что сразу приводит к размышлениям о цвете кожи и, соответственно, о расизме. Дальше писательница оправдывается, почему она пользуется правом писать о чернокожей американской рабыне, прямо рассказывая про «общность рабского опыта предков», крепостных в Российской империи и черных в США. Читатель знает, какова тема книги и какой подход для ее осмысления выбирает автор. Кроме этого, в интерлюдиях авторский рассказчик приводит современный взгляд на вопросы неравенства, разъясняя их с сегодняшней точки зрения. Эти вставки также созданы для подведения итогов, поскольку они появляются в начале каждой главы. В целом они должны влиять на читателя, убеждать его, что марксистские и постколониальные теории — единственные верные в отображении литературной и внелитературной действительности. *Кожа* тенденциозно представляет историю женской личности и ее борьбу с несправедливой системой.

Анализируя тенденциозные произведения Элизы Ожешко, Анна Мартушевска обращает внимание на позицию рассказчика в этих текстах и то, как она влияет на их тенденциозную структуру. Она выделяет, например, обобщение как важнейший способ построения повествования. В современном романе белые и члены высших сословий не обладают именами, географические категории также не определены. Вместо этого в нем есть прилагательные, «неработающие», «дикая жаркая страна» или «второй большой город». Это способствует приданию схематического характера повествованию. Оно должно представлять то, что типично и всеобщее. Таким образом произведение дает возможность применить феминистский, деколониальный взгляд рассказчика проявляющийся в *Коже* не только к конкретной истории, представленной в ней, но и к другим, похожим, общим обстоятельствам внелитературного мира. Подавляющее большинство обобщений в произведениях Ожешко, согласно анализам Мартушевской, предварительно определено по отношению

³⁸ A. Martuszevska, *Pozycja narratora w powieściach tendencyjnych Elizy Orzeszkowej*, Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, Gdańsk 1970, s. 44.

к излагаемому миру, поскольку они сводят явления, изображаемые в книге к роли примеров, иллюстрирующих главный тезис произведения, понятный с самого начала рассказа, и документирующий его истинность³⁹. Благодаря этой операции явления оцениваются рассказчиком, а оценка навязывается читателю по причине устойчивости представленной классификации и иерархии ценностей, описанных в данном мире.

Хотя рассказчик в *Коже* сначала категоризирует персонажей и события, он не выходит за рамки рапортования, избегая подробных описаний, а также представления внутренних монологов и диалогов героев. С одной стороны, кажется, что рассказчик не обладает полными знаниями о представленном мире. Что интересно, пишет Мартушевска, это может сигнализировать настоящие знания автора о связях литературной действительности и реального мира, и, что из этого следует, подтверждение аутентичности указанных явлений⁴⁰. Рассказчик не представляет подробно внутренний мир героинь, но знает много об исторических обстоятельствах. С другой стороны, он рассказывает с точки зрения всезнающего третьего лица. Рассказ черепа удостоверяет, делает реалистическим то, что он как мертвый, человек из прошлого, мог быть свидетелем событий, представленных в книге. Это помогает воспринимать историю, рассказанную им, как правдивую. Классификации, существующие в романе, свидетельствуют о знании рассказчика на тему внелитературной действительности и отношению к событиям как к примерам правильности заранее принятых предположений. Тут в качестве примера можно привести способ использования рассказчиком слова «капиталист». Читатель, зная, что «неработающий» — это слово с негативной окраской, предполагает, что определение «хлебный капиталист» похоже на это слово, и оно также отрицательно. Дальше события в книге, поступки предпринимателя, который относится к своим крепостным небрежно, лишая их свободы выбора и возможности развиваться, являются подтверждением всего этого. Как и в тенденциозных романах Ожешко, в *Коже* акцентируется внимание не на подробном описании внешнего мира, например, его топографии, но на характеристике человека, его места в обществе, а также его

³⁹ Там же, с. 71.

⁴⁰ Там же, с. 107.

убеждениях⁴¹. Например, в современном романе читатель не найдет длинных рассказов о том, как выглядит «второй большой город», но столкнется с детальным изображением работы несвободных женщин и их подходу к этой ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская литература часто занимается проработкой травматического опыта XX века, но реже возвращается в более ранние исторические периоды. Роман Евгений Некарасовой *Кожа* в этом аспекте уникален. Он обсуждает тему совсем не разработанную в современной русской литературе, а именно проблему крепостного права, интересным образом сравнивая его с североамериканской системой рабства. Выходы в прошлое других стран также редко встречаются в русской письменности. Если смотреть с перспективы тематики, книга очень современна. Она рассказывает о таких темах, как, например, феминизм и постколониализм. Однако ее форма похожа на устаревшую тенденциозную и воспитательную литературу. Как это получается?

Роман насквозь политичен. Писательница увлечена современными, западными теориями, ссылается на актуальность постколониального феминизма, который является оппозицией для западного феминизма второй волны, не обращающего внимания на опыт маргинализированных групп и женщин из бывших колониальных империй. Главные персонажи *Кож*, женщины, отброшенные на обочину общества, эксплуатируемые, постоянно подвергающиеся насилию и дискриминации по признаку пола и расы. Они субалтерны, идеальные героини постколониального романа. Как сказала Некрасова, ее произведение деколониальное. В замысле оно должно направляться на изменения сегодняшнего мира и неравенства, являющегося последствиями этих исторических событий. Писательница пытается рассказать историю снизу, что очень популярно в современной культуре⁴².

⁴¹ Там же, с. 110.

⁴² Сегодня популярным является издание произведении про народную историю данной страны, а не историю правящих элит. Например в Польше в 2020 году появилась книга *Ludowa historia Polski*, указывающая историю «обычного» человека, большинства общества, визави маленькой горстке аристократии у власти.

Она сосредоточена на проблеме класса в капиталистической системе, а также на описании феномена внутренней колонизации, характерной для Российской Империи, где подчиненные такого же происхождения, что помещики, но для создания различий власть опирается на построении отличий культурно-правовыми методами.

Проблематичной является форма текста, его тенденциозность. Она похожа на политеистические тексты конца XIX, начала XX века, а также социалистический реализм, и ставит воспитательную функцию выше эстетической. Кроме этого, применяет дидактические приемы, такие как обобщение, повторение, буквальность, прямолинейность, преувеличение, упрощенное повествование и сказочность, чтобы представить ясную иерархию ценностей и одномерную интерпретацию, которая направлена на единственный тезис, идеологическую систему, на которой опирается сюжет. Поскольку мир романа основан на реальной исторической действительности рабства и крепостного права, предположения, выдвинутые в нем, можно применить к внелитературному миру. Таким образом книгу можно рассматривать как современный пример тенденциозной литературы.

REFERENCES

- Crenshaw, Kimberly. "Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine." *Feminist Theory and Antiracist Politics*, 1989, University of Chicago Legal Forum.
- Davis, Angela. *Women, Race & Class*. New York: Random House, 1983.
- Dill, Bonnie Thornton and Zambrana, Ruth Enid. *Emerging Intersections: Race, Class, and Gender in Theory, Policy, and Practice*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2009.
- Domańska, Ewa. "Historiografia insurekcyjna." *Literatura na Świecie*, 2008, no. 1–2: 355–368.
- Etkind Aleksandr, *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2013 [Эткинд, Александр. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, Москва: Новое литературное обозрение 2013].
- Fanon, Frantz. *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press, 2004.
- Fast, Piotr. *Realizm socjalistyczny w literaturze rosyjskiej*. Kraków: Universitas, 2003.
- Głowiński, Michał, Okopień-Sławińska, Aleksandra, and Sławiński, Janusz. *Zarys historii literatury*. Warszawa: WSiP, 1967.
- Gor'kiy, Maksim. "O sotsialisticheskom realizme." *Sobraniye sochineniy v tridsati tomakh*. T.27. Moskva: GIKHL, 1953 [Горький, Максим. "О социалистическом

КОЖА ЕВГЕНИИ НЕКРАСОВОЙ...

- реализме.” *Собрание сочинений в тридцати томах*. Т.27. Москва: ГИХЛ, 1953].
- Hahn Rafter, Nicole. *White trash. The eugenic family studies. 1877–1919*. Boston: Northeastern UP, 1988.
- Hooks, Bell, “Narratives of Struggle.” *Critical Fictions: The Politics of Imaginative Writings*. Mariani, Phil (ed.). Seattle: The New Press, 1991.
- Julien, Isaac (dir.). *Black Skin, White Masks*. UK: Arts Council of England, 1996.
- Klyuchevskiy, Vasiliy. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya II*. [Ключевский, Василий. *Курс русской истории. Лекция II* <<http://www.spnl.nsc.ru/history/kluch/klucho2.htm>>].
- Kock, Leon de. “Interview With Gayatri Chakravorty Spivak: New Nation Writers Conference in South Africa.” *A Review of International English Literature*, 1992, no. 3 (23): 29–47.
- “Literatura zadolzhala real’nosti”: Yevgeniya Nekrasova o krepostnom prave, rabstve i prirode vlasti.” *Knizhnaya ssylka* (podkast) [“Литература задолжала реальности”: Евгения Некрасова о крепостном праве, рабстве и природе власти.” *Книжная ссылка* (подкаст)].
- “Tendentsioznaya literature.” *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh*. Lunacharskiy, Anatoliy (ed.). Moskva: Izdatel’stvo Kommunisticheskoy-akademii, 1939: 231–234 [“Тенденциозная литература.” *Литературная энциклопедия: в 11 томах*. Москва: Издательство Коммунистической академии, 1939: 231–234].
- Markiewicz, Henryk. “Dialektyka pozytywizmu polskiego.” *Proces historyczny w literaturze i sztuce*. Maria Janion i Aniela Piorunowa (ed.). Warszawa: Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, 1967.
- Martuszevska, Anna. *Pozycja narratora w powieściach tendencyjnych Elizy Orzeszkowej*. Gdańsk: Zakład Narodowy Imienia Ossolinskich, 1970.
- Pervyy Vsesoyuznyy s’yezd sovetskikh pisateley. Stenograficheskiy otchet. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1934 [Первый Всесоюзный съезд советских писателей. *Стенографический отчет*. Москва: Художественная литература, 1934].
- Prorkhorova, Irina. “Trauma krepostnichestva — v yeve nevyskazannosti.” *Snob* [Прорхорова, Ирина. “Травма крепостничества — в ее невысказанности.” *Сноб*] <<https://snob.ru/selected/entry/109726/>>.
- Tlostanova, Madina, and Mignolo, Walter. *Learning to Unlearn: Decolonial Reflection from Eurasia and the Americas*. Athens, Ohio: Ohio State UP, 2012.
- Verges, Francois. *A Decolonial Feminism*. London: Pluto Press, 2021.
- Nekrasova, Yevgeniya: *O knigakh, feminizme i rabote pisatelya* [Евгения Некрасова. *О книгах, феминизме и работе писателя*] <https://www.youtube.com/watch?v=ghI_2RGSoNU>.
- Nekrasova, Yevgeniya. *Voyti v pop-kul’turu, myslit’ dekolonial’no, lyubit’ Pushkina* [Евгения Некрасова. *Войти в поп-культуру, мыслить деколонизально, любить Пушкина*] <<https://www.youtube.com/watch?v=za7FqMVVM5k>>.
- Zinn, Goward. *Narodnaya istoriya SSHA*. Moskva: Ves’ Mir, 2006 [Зинн, Говард. *Народная история США*. Москва: Весь Мир, 2006].